

Великий город, подчинившийся варварам, отказавшийся от применения своих собственных законов: «Barbaris tamen Roma servit et suis non utitur legibus» *****. Это юридическое и политическое противостояние дошло до эпохи Петрарки — причем в области знаний — ив этой новой форме оказывало длительное влияние на историю западной культуры с XIV по XVI век. Либо варварская, либо итальянская — таковы были для него единственные два типа культуры, между которыми тогда можно было выбирать. Самыми сильными аргументами против подобного употребления термина «варварский» были, со всей очевидностью, Парижский университет и многовековая интеллектуальная традиция, историческим следствием и вершиной расцвета

550 Глава X. Возвращение светской лит-ры и итоги философии средних веков

которой он стал. Однако, возражает Петрарка, чем французы могут похвалиться? Их единственный крупный христианский учитель — Иларий из Пуатье; ни Амвросий, ни Августин, ни Киприан не были французами; Гуго Сен-Викторский был саксом. Верно, он тоже варвар, но ведь никто не утверждает, что все варвары — только французы, говорится только, что все французы — варвары, а это совершенно разные вещи. Скажут: хорошо, ученые и учащиеся — не французы, но «Studium» — французский, потому что он расположен в Париже. Пусть так, уступает в свою очередь Петрарка, пусть кто-то из учившихся в Париже — француз. Об этом можно сожалеть, но это так. Когда же все сказано, остается непреложным факт, что почти все «французы» — иностранцы. Из каких стран прибыли Петр Ломбардский, Фома Аквинский, Эгидий Римский? Когда француз написал книгу, сравнимую с «Этикой» Аристотеля? Итальянец может по крайней мере похвалиться, что другим итальянцем написаны такие произведения, как «О законах», «Книги Академиков» и «Гортензий», о котором Августин говорил, что извлек из него такую пользу, которой не извлекал ни из одной книги Аристотеля. Когда в Риме был Варрон*, во Франции были только друиды и еще все то, что она собрала в галдеже своей Соломенной улицы («*fragosus straminum vicus*»)** . Короче, единственное знание, которое имеет ценность, — это итальянское знание.

Здесь мы видим, как уточняется личная позиция Петрарки. Этот национализм культуры открывает новую эру и возвещает о конце средневекового универсализма, который был не чем иным, как универсализмом католической Церкви. Данте находился еще на противоположном склоне и в своем сочинении «О народной речи» («*De vulgari eloquentia*») отказался предать истину даже ради любви к родине и вопреки здравому смыслу поддержать сказанные по-итальянски (*florentin*) слова Адама в Земном раю: наша родина — весь мир, гордо провозглашал Данте, как море — родина всех рыб,

даже если мы пили воду из Арно***, когда нас еще не прорезались зубы. Этому «*Pl autem cui mundus est patria velut pisciW aequor*»**** прямо противостоит разделение Петраркой мира на итальянцев и варваров со всеми следствиями, которые из этого разделения вытекают. Первым и, пожалуй, самым важным следствием является категорическое осуждение варварской интерлюдии которой являлась для него вся история Парижского Studium—от основавшего его варвара Алкуина до варваров, или «варваризированных» итальянцев, которые продолжали там преподавать в XIV веке. Огромные шестисотлетние интеллектуальные усилия Петрарка попросту оставляет «за скобками», чтобы окончательно закрыть историю заблуждения, царившего слишком долго. После этой быстрой очистки, предпринятой раз и навсегда, путь к истинному знанию вновь становится свободным. Он идет из Италии в Италию через Италию, потому что это царская дорога, которая, минуя повороты к ложной культуре варваров, ведет от Цицерона к Петрарке, проходя мимо мастеров христианского красноречия — Киприана, Амвросия, Иеронима, Августина.